

Научная статья
УДК 94 (470. 22) «1917/1991»
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.010

«ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО» ФИНЛЯНДСКОЙ СТОЛИЦЫ И СИМВОЛЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ГЕЛЬСИНГФОРСА ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

Елена Юрьевна Дубровская

Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводск, Россия, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Аннотация

В статье рассмотрена имперская топография Гельсингфорса (Хельсинки), столицы автономного Великого княжества Финляндского, с помощью понятия «пространство» — подхода, привлекающего внимание историков, социологов, культурологов. Город XIX — начала XX столетия изучается как «имперское пространство», в котором различные формы культурной идентичности пересекаются и вступают в конфликт. На материалах российских и финляндских архивов, а также опубликованных источников показано, что в первые дни российской революции 1917 года топографический текст финляндской столицы наполнялся новым символическим содержанием, вбирал продиктованную временем символику преобразования действительности. Автор прослеживает, как политический переворот весной 1917 года сопровождался переворотом символическим, воздействуя на эмоциональную сферу участников событий. Сделано заключение о том, что в обстановке революционных потрясений многое во взаимоотношениях жителей Гельсингфорса и российских военнослужащих определялось стихийными настроениями моряков-балтийцев и солдат, сошедших с кораблей и вышедших из казарм на улицы города.

Ключевые слова:

Финляндия, «имперское пространство» Гельсингфорса, революция 1917 года, российские военнослужащие, символический переворот, политическая топография города

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Карельского научного центра Российской академии наук (124022000029-0).

Для цитирования:

Дубровская Е. Ю. «Имперское пространство» финляндской столицы и символы революционного времени в политической культуре военнослужащих Гельсингфорса весной 1917 года // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 103–115. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.010.

Original article

"IMPERIAL SPACE" OF THE FINLAND'S CAPITAL AND SYMBOLS OF THE REVOLUTIONARY TIME IN THE POLITICAL CULTURE OF RUSSIAN SERVICEMEN IN HELSINGFORS IN THE SPRING 1917

Elena Yu. Dubrovskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Abstract

The article considers the imperial topography of Helsingfors (Helsinki), the capital of the autonomous Grand Duchy of Finland, using the concept of "space" - an approach that attracts the attention of historians, sociologists, cultural scientists. The city of the XIX - early XX centuries is studied as an "imperial space" in which various forms of cultural identity intersect and come into conflict. On the materials of the Russian and Finnish archives, as well as published sources, it is shown that in the early days of the Russian revolution of 1917, the topographic text of the Finnish capital was filled with new symbolic content, took in the time-dictated symbolism of the transformation of reality. The author traces how the political coup in the spring of 1917 was accompanied by a symbolic coup, affecting the emotional sphere of the participants in the events. It was concluded that in the context of revolutionary shocks, much in the relationship between the inhabitants of Helsingfors and Russian servicemen was determined by the spontaneous moods of Baltic sailors and soldiers who descended from ships and left the barracks for the streets of the city.

Keywords:

Finland, "imperial space" of Helsingfors, revolution 1917, Russian servicemen, symbolic coup, political topography of the city

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. 124022000029-0 assigned to the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Dubrovskaya E. Yu. "Imperial Space" of the Finland's capital and symbols of the revolutionary time in the political culture of Russian servicemen in Helsingfors in the Spring 1917. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 103–115. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.010.

Введение

Предлагаемое исследование выполнено в рамках коллективной темы «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации». Под одним из таких сопредельных регионов применительно к XIX — началу XX столетия понимается территория автономного Великого княжества Финляндского, на материале которого предпринята попытка проследить проблемы городской культуры «русского Гельсингфорса» — крупного центра имперской периферии — в контексте имперской культуры, а также взглянуть на пространство «своего» — «чужого» города глазами российских военных. В обстановке революционных потрясений весны 1917 года обнаруживается стремление моряков Балтийского флота и солдат частей, дислоцированных в финляндской столице Гельсингфоре (Хельсинки), к символическому освоению городского пространства, когда политический переворот сопровождался переворотом символическим и поведение военных ритуализировалось в новой ситуации.

Об этом можно судить на основании документов из фондов российских и финляндских архивов. Уникальным источником и памятником культурного наследия переломной эпохи являются «эго-документы», хранящиеся в обширной коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии и в фондах Российского государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге (РГА ВМФ). Среди них письма солдат, матросов и офицеров нижнего звена, особенно тех, кто весной-летом 1917 года был избран в русские Советы и комитеты разного уровня, действовавшие в финляндской столице и других армейских и морских гарнизонах Финляндии.

Подлинными и надежными историческими источниками стали и произведения архитектуры, которые «отражают черты породившей их культурной эпохи, свидетельствуют о ходе исторического процесса», и, наряду с художественными произведениями, позволяют судить о его экономических, политических и социальных составляющих. По наблюдению московской исследовательницы Е. Н. Чернявской, это архитектурно-строительное наследие дает возможность увидеть многие процессы, в частности «проникновение “чужих” форм и стоящих за ними культур на самобытную почву этноса» [1: 119].

Специалисты, изучающие вопросы соотношения имперского присутствия в различных городах Российской империи и противодействия этому присутствию, отмечают, что городское пространство и Гельсингфорс не составляют исключения в этом отношении, предстают пространством овеществленным, материальным: здания, улицы, площади, парки. В их работах город показан «как место пересечения разнообразных пространств — экономического, морального, социального, политического», однако «во всех случаях город напоминает пестрое лоскутное одеяло, постоянно меняющее свои цвета, это особое место, все время перемешивающее и искажающее экономические, культурные, социальные, политические, моральные религиозные пространства», а сам город становился тем особым местом, где «наблюдались, переживались и осмыслились все новые явления русской жизни» [2: 8–9].

Символическое присутствие Империи в великокняжеской столице

Городское пространство Гельсингфорса можно представить одним из аспектов той реальности, в которой на рубеже XIX — XX века и в период Первой мировой войны оказались военнослужащие российской армии и Балтийского флота. Основанный в 1550 году родоначальником шведской королевской династии Густавом Ваза, Гельсингфорс изначально был призван играть роль противовеса эстонскому Таллину, набиравшему силу на южном берегу Финского залива и входившему в Ганзейский союз [3: 59]. В 1820-е годы он строился как город, уже не связанный с памятью о шведском прошлом, а к концу XIX века сам стал символом имперской власти в Великом княжестве, противостоявшим прежней древней столице Або (Турку).

В его архитектуре и планировке имперская и административная символика поддерживали друг друга и должны были напоминать российским военнослужащим о могуществе и величии государства, на страже которого они стояли здесь, в Финляндии, прикрывая с моря столицу империи. Под влиянием Петербурга город виделся его строителям и как морской порт России, и как «военная

столица» княжества, и как центр административного управления краем. Идеал военной столицы, олицетворявшей имперскую власть в Финляндии, требовал, чтобы, подобно Петербургу, «город строился, как полк на параде, по струнке» [4].

Частью архитектурного облика гарнизонного города и монументальным выражением могущества империи стали казарменные строения. В годы правления Александра I и Николая I был реализован план строительства Гельсингфорса, который ставил целью с помощью архитектурных образцов формировать «государственное сознание» финляндцев. Он включал в себя создание ансамбля Сенатской площади, возведение казарм и других общественных сооружений [5: 209].

Первоначально войска располагались внутри островной крепости Свеаборг. Но уже в 1820-е годы рядом со Свеаборгским портом на Катаянокка (Скатууден) — в одном из районов современного Хельсинки — были построены Морские казармы, где находилось большинство военнослужащих за пределами крепости [6: 41–44]. Однако гарнизон великокняжеской столицы объединял людей, находившихся здесь временно. Поэтому, прежде чем рассматривать факторы, обусловившие специфичность восприятия «центра» и «периферии» города российскими военными, стоит познакомиться с русским Гельсингфорсом начала XIX века, когда формировалась государственная и имперская символика новой столицы Финляндии. Прежде всего, с его купечеством, которое играло заметную роль в экономическом и культурном развитии города.

Первыми русскими, начавшими торговлю в Гельсингфорсе, были жены офицеров, продававшие выпечные изделия не только на территории гарнизона, но и за казарменными воротами. Многие из маркитантов Свеаборга, самых состоятельных и легко приспособившихся к рынку, вскоре поселились в Гельсингфорсе, сделавшись уважаемыми горожанами. Разносной торговлей занимались и отслужившие свой срок в армии солдаты [7: 49–54].

В 1820-х годах в городском районе Круунунхака появились казармы для жандармских и казачьих войск, строительством которых занимался русский купец Федор Киселев [8: 58]. Вместе с русской армией в Гельсингфорс прибыла специальная инженерная команда для проектирования и строительства казарм. Многие из проектов, разработанных офицерами инженерных войск, так же как и их имена, остались неизвестными. В этой команде служили военные инженеры Козельский и Курочкин — авторы проектов здания Главной гауптвахты и береговых казарм Свеаборгского гарнизона, полковник Бурмейстер, проектировавший Абоские казармы на тогдашней окраине города, вблизи дороги, ведущей в направлении старой финляндской столицы (частично сохранились в комплексе зданий современного автовокзала в Хельсинки). Позже, в 1830–1833 годах, подряд на строительство Абоских казарм взял купец Николай Синебрюхов.

Самым значительным среди гражданских зданий, возведенных в Гельсингфорсе при участии военных инженеров, стал основанный в 1868 году по распоряжению генерал-губернатора Н. В. Адлерберга Александровский театр, призванный удовлетворять культурные запросы русского населения. В 1880-е годы наиболее значительным русским меценатом стал коммерции советник Я. Л. Чернышов, сначала занимавшийся торговлей продовольственными товарами, а позже строительством российских военных объектов за пределами Гельсингфорса. Однако самыми заметными строительными подрядами стало сооружение Александровского театра и православного Успенского собора в финляндской столице [9: 86].

Новое здание, построенное в 1880 году, получило название «Русский Александровский театр» в честь Александра II. Из-за сходства в росписи потолка зала с петербургским театром его называли «малым Мариинским». Близость Петербурга, куда часто мигрировали финны и шведы, влияла на их отношения с коренными русскими жителями Гельсингфорса, ведь «пребывание в Петербурге позволяло поднять свой статус после возвращения в Финляндию или переезда в Швецию, к которой Финляндия культурно тяготела» [10: 277].

На одной из центральных улиц, на Унионской, названной так в 1819 году по распоряжению Александра I в честь унии, заключенной в 1809 году между российским монархом и Великим княжеством, по соседству с казармами был построен русский Военный госпиталь в неоклассическом

стиле. Он действовал в этом качестве вплоть до вывода российских войск из Финляндии в конце апреля 1918 года. Казарменная улица получила название от Гвардейских казарм, на ней же располагался и Гвардейский манеж.

Главным символом императорской и великокняжеской власти в финляндской столице стал один из красивейших городских ансамблей Европы — монументальный комплекс в пышном стиле ампир — административный центр на Сенатской площади. План его строительства составил уроженец Гельсингфорса Й. А. Эренстрём, а в качестве архитектора был приглашен берлинский зодчий Карл Людвиг Энгель, до этого принимавший участие в возведении каменных шедевров Ревеля (совр. Таллин) и Петербурга.

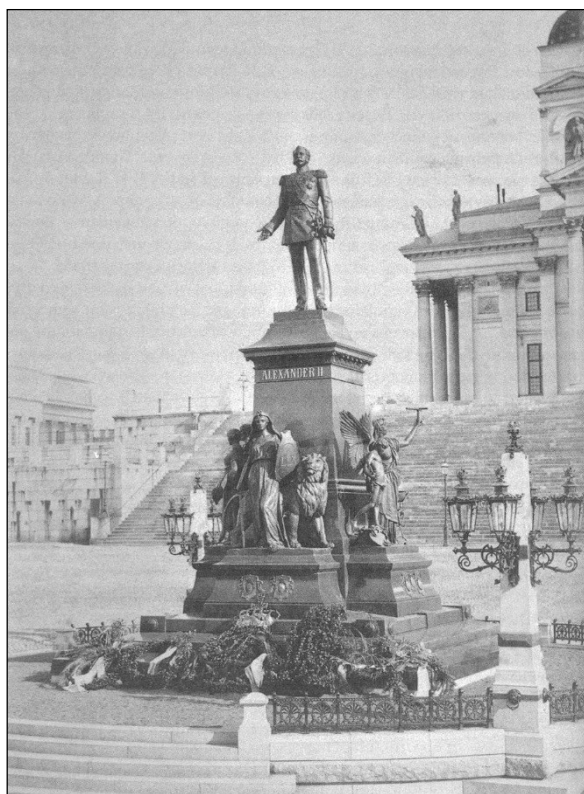
Ансамбль формировался с 1818 года почти полвека, включив здания Императорского Сената и Императорского Александровского университета (канцлерами университета были русские монархи), а также находящуюся чуть поодаль старейшую православную церковь Гельсингфорса — храм Святой Троицы. До сооружения в 1827 году Свято-Троицкого храма православные горожане для совершения религиозных треб обращались к священнику полковой церкви Петровского пехотного полка, стоявшего в Гельсингфорсе после французского похода 1817 года. Небольшая госпитальная церковь, рассчитанная только на нужды больных и едва вмещавшая полсотни человек, не могла тогда удовлетворить всё православное русское население, как и маленькая военная церковь в Свеаборге, куда нужно было добираться на гребной шлюпке. С 1852 года над площадью возвышается здание лютеранского Николаевского (Никольского) кафедрального собора, напоминающего Исаакиевский собор в Петербурге.

К Сенатской площади примыкали улицы, носившие имена членов императорской фамилии, — Николаевская, Константиновская, Маринская, Екатерининская, Еленинская. Софийская получила название в честь матери Александра I Марии Федоровны, принцессы Вюртембергской Софии Доротеи Августы. Их пересекала главная «парадная» улица — Александровская, названная в 1833 году в честь Александра I. Увековечению его памяти служил и бронзовый бюст у университетской библиотеки, которая также выходила фасадом на Сенатскую площадь.

В конце XIX века на Сенатской площади установили памятник Александру II, чье правление было отмечено расширением автономных прав Великого княжества и повышением статуса финского языка. Автор памятника Вальтер Рунеберг, сын известнейшего поэта Йохана-Людвига Рунеберга, изобразил императора в форме офицера Финляндской гвардии, которую он всегда носил во время посещения Великого княжества. Александр II запечатлен в момент произнесения речи на заседании сейма 1863 года — сословного представительства финляндцев, когда впервые после многолетнего перерыва депутатам законодательного органа автономного княжества было разрешено собраться.

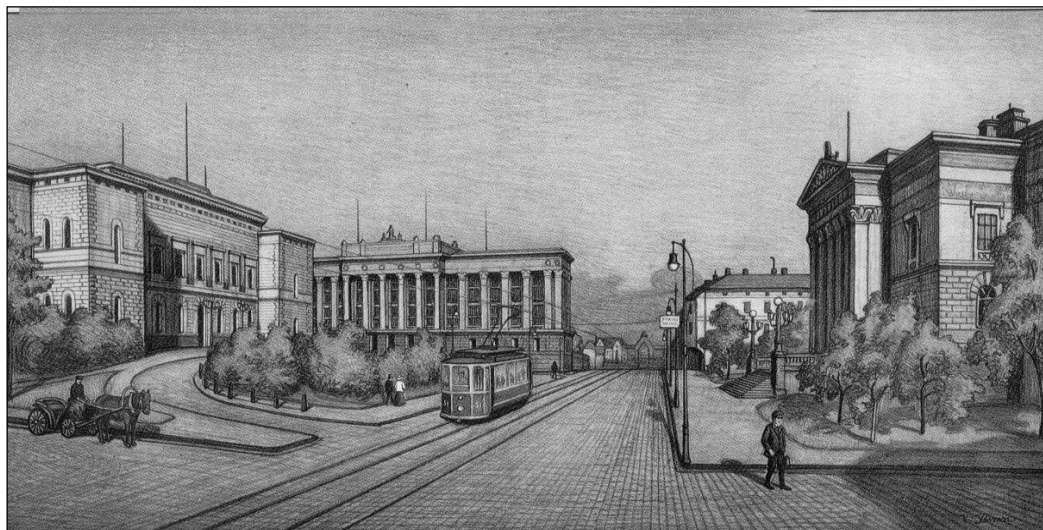
На церемонии торжественного открытия памятника, состоявшегося 29 апреля 1894 года, в день рождения императора по новому стилю, присутствовали представители от трехсот российских городов и сельских приходов, которые возложили цветы к монументу. С этого времени Сенатская площадь с памятником Александру II стала традиционным местом «тихих» протестных действий сторонников финского национального движения. Сюда приносили букеты, памятник изображали на плакатах и открытках, его фотографию, помещенную в рамку, хранили дома.

Через пять лет после открытия монумента в 1899 году был принят Февральский манифест Николая II о предоставлении права российскому правительству издавать законы без согласия сейма, что ознаменовало начало похода имперской власти против финляндской автономии. После опубликования манифеста, в основе которого лежали военные задачи Российской империи, у памятника состоялась демонстрация протеста. Ее проведение было назначено на 13 марта (1 марта по старому стилю) — день убийства «царя-освободителя». В начале XX века именно здесь проходили «сходки у памятника Александру II» — демонстрации финляндцев против мер по ограничению автономных прав Великого княжества, принимавшихся генерал-губернатором Н. И. Бобриковым. В апреле 1902 года генерал-губернатор послал на площадь казаков для разгона демонстрации против призыва в российскую армию, что вызвало невиданное обострение конфликта между финляндцами и российскими военными, вошедшее в историю как время «казачьих волнений» [11: 432–435].

Рис. 1. Памятник Александру II на Сенатской площади. Начало XX века [12: 92]

Комплекс улиц и архитектурных сооружений центра финляндской столицы, отмеченных имперской символикой, дополнял архитектурный ансамбль, иллюстрирующий «конституционный период» в истории Финляндии (1860–1890-е годы). По наблюдению профессора М. Клинге, к таким государственным зданиям в районе Николаевской улицы (сегодня носит имя философа Й. В. Снельмана) следует отнести здание Финляндского банка, Государственного (ныне Национального) архива и Дом сословий [6: 209–212].

Рис. 2. Гельсингфорс. Николаевская улица (в настоящее время носит имя Йохана Вильгельма Снельмана) [12: 14]

Последний был построен в 1891 году для собраний недворянских депутатов финляндского сейма (до 1906 года сейм состоял из четырех палат и сохранялся таким, каким он был в «шведский» период финляндской истории). Фронтон «Дома сословий» украшает барельеф, изображающий сцену провозглашения Александром I на собрании сословий в Борго (Порвоо) в 1809 году автономного статуса Великого княжества, когда представители Финляндии присягнули на верность императору, а тот обещал сохранять законы шведского времени и лютеранское вероисповедание.

На Торговой площади города с ее Эспланадной пристанью, являвшейся водными воротами Гельсингфорса, приезжего встречали здание Мариинского дворца — финляндской резиденции российского императора — и Дом генерал-губернатора края. В центре площади возвышался «Камень (или Обелиск) Императрицы», увенчанный позолоченным двуглавым орлом — первый городской монумент, установленный в 1835 году в память о посещении Гельсингфорса императорской четой — Николаем I и Александрой Федоровной. Торговая площадь стала традиционным местом появления русских монархов перед финляндцами. Площадь приобрела статус особого, освященного их присутствием городского пространства, что делает ее в дни Февральской революции 1917 года особо притягательной для солдат и матросов, стремившихся «освоить» прежде малодоступную для них имперскую святыню, сделать «своей» территорией.

Рис. 3 Рыночная площадь в Гельсингфорсе. В центре — «Обелиск Императрицы», на заднем плане — Успенский кафедральный собор [12: 16]

Жительница Гельсингфорса вспоминала церемонию встречи Николая II и цесаревича Алексея во время приезда августейших особ в финляндскую столицу в феврале 1915 года: «Помню, как нужно было стоять на Торговой площади, напротив нынешнего президентского дворца, из него вышли царь с сыном, шагали важно, отдавая честь, а мы приветствовали их здравицей в честь Великого князя Финляндского и наследника»¹. Финских школьников расставили шпалерами, через которые прошли высокие гости.

С площади открывался вид на величественный православный Успенский собор из красного кирпича, построенный в конце XIX века на скале по проекту архитектора А. М. Горностаева, автора многих церковных сооружений на острове Валаам. У подножия храма можно было видеть еще один монумент — «часовню мира», установленную в честь заключения мирного договора в городе

Фридрихсгаме (Хамина) в 1809 году, по которому Швеция уступила России Финляндию. Часовня, подобно другим упоминавшимся объектам городской среды, должна была служить для поддержания исторической памяти подданных империи Романовых. Однако этот символ имперской власти нельзя обнаружить на карте современного Хельсинки. Разрушенный после гражданской войны 1918 года, он, по-видимому, больше других ассоциировался с русской властью, которая ушла в прошлое, но еще раз была подвергнута уничтожению, теперь уже ритуальному стиранию. Сходная судьба постигла и православный собор Александра Невского в Свеаборгской крепости — гарнизонную церковь, построенную в 1854 году по проекту К. А. Тона, которую окружала ограда из шведских пушек. Собор был перестроен сначала в маяк, а в 1928 году — в лютеранскую церковь [5: 45 ;12: 28].

Рис. 4. Собор Александра Невского в Свеаборге [12: 18]

Гельсингфорс оставался для военнослужащих особым, отчужденным от русской культурной среды миром, и не только в силу иноязычного окружения. Оппозиция «восток — запад» на уровне восприятия символов остро ощущалась выходцами из России, несмотря на государственную и имперскую семиотику центра великокняжеской столицы.

С конца XIX века здесь строились здания с высокими башнями и толстыми стенами из серого гранита в национально-романтическом направлении северного модерна. Этот стиль получил, как и в Германии, название «югенд». Над городом возвышались католическая церковь Св. Генриха в Кайвопуйсто, немецкая кирха, огромная Бергхальская церковь. Необычными казались здание Рыцарского зала в неоготическом стиле, украшенные растительным и животным орнаментом здания Национального музея и Национального театра, Фонтан Вальгрена — скульптурный комплекс «Хавис Аманда» на Торговой площади, ставший символом города, и монумент жертвам кораблекрушения на холме вблизи Обсерваторской горки. С пьедесталов смотрели незнакомые российским военным собиратель рун эпоса «Калевала» Элиас Лённрот, Фредрик Пациус, написавший музыку национального гимна «Наш край», поэт-классик Йохан Людвиг Рунеберг, автор текста гимна.

Писатель А. И. Куприн, в начале Первой мировой войны служивший офицером в Великом княжестве и посещавший Финляндию более десяти раз в различные периоды жизни, неизменно относился к ней с любовью и уважением. В 1933 году в последней из своих статей, посвященных стране Суоми, он отметил переплетение «своего» и «чужого» в культуре независимой Финляндии. Куприн перечислил те «знаковые» явления, которые «будут надолго, если не навсегда, напоминать ее жителям о русской культуре»: «Это во-первых, лиственничная аллея, посаженная Петром I в Куоккала, во-вторых, Сайменский канал, где на последнем шлюзе выгравирована четкая надпись «Построен русскими солдатами по повелению Николая I в таком-то году», в-третьих, Свеаборгская морская крепость, в-четвертых, памятник императору Александру II против Сената и в-пятых, Александровская улица, Александерсгатан» [13: 44, 424].

Примечательно, что писатель, хорошо знакомый с историей края, упомянул Свеаборгскую крепость, построенную шведами в XVIII веке, как памятник русского военно-инженерного искусства. Рядовые же военнослужащие безоговорочно воспринимали крепость как «освоенное» пространство, «островок» России, защищенный от внешнего, подчас враждебного мира.

Политический переворот и символический переворот

Возникает вопрос об условной топографии «русского Гельсингфорса»: каковы были его границы, были ли места городского пространства, которые преимущественно выбирали солдаты и матросы?

Разумеется, главным таким местом был порт. За более чем вековой период кладбища, где покоились сотни соотечественников, становились для военнослужащих «кусочком» российской территории и неофициальным местом поклонения далекой родине. Нижние чины хоронили на русском военном кладбище. По детским воспоминаниям уроженцев Гельсингфорса, погребение «знати и офицеров» проходило на русском православном кладбище в Лаппинлахти. Мусульманские и еврейские кладбища города, однако, в отличие от православных, не разделялись на «офицерские» и «солдатские».

Другим местом, напомиавшим рядовым о России, но не наделявшим сакральным смыслом, стали безлюдные скалы в живописных окрестностях города, которые солдаты и матросы называли «Карпатами». Как отметил петербургский исследователь проблем флотской повседневности Д. А. Бажанов, это характерное название могли носить удобные для азартных игр скалистые площадки, находившиеся как в юго-восточной части города — в парке развлечений Брунспарк, так и в северной — в парке Альдхютен [14: 139–140]. Это было излюбленное место досуга, которое в 1917 году в обстановке наступившей «свободы» стало синонимом веселого и праздного времяпровождения с игрой в «орлянку» и алкогольными излишествами².

«Карпаты», как и другие городские пространства, удаленные от парадных улиц и площадей (парки Кайсаниemi, Цисперия и др.), воплощали представления военнослужащих о символике «периферии», оппозиционной официальному «центру», с допустимыми для маргинальных территорий нарушениями поведенческих норм, функционированием бытовых практик «социальных низов», криминогенностью. Об этом сохранилось множество свидетельств.

В письмах рядовых, буквально хлынувших в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих» весной 1917 года, приводятся конкретные адреса таких заведений, где собирались и финны, и русские солдаты и матросы. Невзирая на запреты, там производилась продажа крепких напитков, процветала проституция, а бродячие торговцы сбывали всевозможные вещи, преимущественно краденые. Авторы заметок предостерегали рядовых от посещения таких мест, где «зараженная атмосфера спиртом», советовали не ходить на знаменитый «еврейский» рынок возле Абоских казарм, на котором из-под полы велась торговля обмундированием и казенным имуществом.

Примечательно, что обсуждение матросами и солдатами первых неофициальных сведений о революции в Петрограде происходило 3 марта 1917 года в «известных столовых и кофейнях», в этом маргинальном пространстве города. Здесь нижние чины собирались группами по 5–12 человек,

договаривались выступить на следующий день по орудийному сигналу³. Такое же постановление вынесли участники матросского митинга за Петроградским мостом⁴. Однако восстание на линкоре «Андрей Первозванный» в ночь на 4 марта опередило эти намерения [15: 81–83].

Как и повсюду на пространстве рухнувшей империи, военнослужащие и жители Гельсингфорса в обстановке радикальных перемен ориентировались в своей повседневной практике на определенные образцы политического поведения и революционную традицию [16: 14–37].

Исключительное значение общественного ритуала совместного освоения городского центра проявилось в использовании всех знаковых средств, включая язык жестов, пение, музыку, цвет и т. п., что создавало необходимый психологический эффект сопричастности новым ценностям [17]. Горожане оказывались свидетелями и торжественных уличных шествий матросов и солдат, и кровавых сцен самосудов над офицерами. Многие местные жители при помощи хорошо известных символов спешили приветствовать восставших военнослужащих. Они подчеркивали свою солидарность с ними, приглашая к совместному освоению городского пространства и разграничивая «своих» и «чужих» не по этнической принадлежности, а по отношению к новому общественному порядку.

Примечателен рассказ унтер-офицера Г. Звонарева о ритуальном обмене красным бантом с незнакомой жительницей Гельсингфорса: «Трамвай не двигался, и публика наполняла все тротуары. Мужчины, женщины, девушки и даже дети — все были украшены кровавыми знаками революционной солидарности — красными бантами и ленточками». Женщина остановила пехотинца и, улыбаясь, что-то говорила ему по-фински, указывая на его шинель. «Я осмотрел себя и не нашел ничего предосудительного в своем, правда, не особенно привлекательном костюме солдата, — вспоминает автор, — хотел было продолжать свой путь, не понимая, что ей нужно, но она быстро сорвала с своей груди красный бантик и, прежде чем я понял, в чем дело, бантик уже красовался на моей шинели. После этого она, смеясь, быстро удалилась, и я не успел даже ее поблагодарить...» [18: 8–9].

Пространство города становилось сценой, на которой разворачивалось ритуальное действие, связанное с десакрализацией павшей власти и являвшееся продолжением символических актов сжигания портретов царя в казармах и на кораблях [19]. И военнослужащие, и финны проявляли осведомленность о неотъемлемых для подобной ситуации клишированных жестах. Красный бант в этом контексте выполнял присущую политическим символам функцию маркировки «своего» пространства, передачи информации и, наконец, установления контактов между единомышленниками.

Политическое пространство революции превращалось в арену противоборства добра и зла, где ритуальное поведение людей диктовалось их попаданием в экстремальную, кризисную ситуацию смены власти. Уроженка Гельсингфорса А. Йортиikka в детстве оказалась свидетельницей драматических событий марта 1917 года. Она вспоминала, как по пути в школу, расположенную в центре города на Георгиевской улице (Юрьенкату), слышала выстрелы на улице, видела убитого офицера на крыльце школы, рассказала о распоряжении учительницы не приходить в класс до появления в газетах соответствующего объявления. На обратном пути домой школьниц остановили русские солдаты и финн, вооруженные винтовками. «Они сняли с нас скаутские значки и вручили полоску красной материи 3–4 см. шириной». На вопрос «Что с этим делать?» финн приказал прикрепить ленту к крючку на одежде, «чтобы нас пропустил следующий патруль. Патрули стояли на каждом перекрестке»⁵.

В соответствии с традициями городской политической культуры рядовые стремились проводить митинги, демонстрации и шествия в центральной части Гельсингфорса — там, где располагалась бывшая царская резиденция, дом генерал-губернатора, правительственные здания, модные магазины, кафе и рестораны, где собирались высокопоставленные чиновники, офицеры, промышленники и коммерсанты. Эта территория воспринималась ими как место нахождения социального противника, которое необходимо было завоевать, освоить, сделать «своим» [20].

С конца XIX века фланировать по парку Эспланады мимо памятника Й. Л. Рунебергу считалось модным и свидетельствовало об определенном социальном статусе прогуливавшихся. Во время революции именно эта улица — место праздного времяпровождения «богачей» — стала оппозицией митинговой стихии Сенатской площади. Подтверждением тому письмо корабельного машиниста

Я. Цыбина. Возмущенный тем, что офицеры, вопреки призывам к «единению» с рядовыми, не участвуют в митингах, он писал: «Ведь видно же им, проходя по Эспланаду, тысячную толпу, но ни один не присоединился к митингу солдат, матросов и рабочих, которые слушали ораторов от социалистических партий»⁶.

Такое восприятие Эспланадной улицы не изменилось и после того, как в мартовские дни ее пространство оказалось «присвоенным» восставшими. В. Картавец, автор заметки «Впечатления финляндца», по-видимому, повествует о событиях 4 марта: «толпится народ, здесь и там стоят солдаты с винтовками на плечах, у некоторых сосредоточенный серьезный вид, другие весело разговаривают, покуривая папироску. А по Казарменной улице надвигается несметное число матросов и армейцев с музыкой. Руководят процессией матросы. Увидев офицера, два матроса подбегают к нему и приставляют револьвер к груди, приказывая “руки вверх”. Офицер подчиняется, его обезоруживают и отпускают». Затем восторженный тон автора сменяется недоумением по поводу нелепости стихийных действий восставших. Он испытывает «невыразимую боль» от их бессмысленной жестокости. «Бессмысленной», впрочем, эта жестокость кажется ему, если не принимать во внимание семиотическое значение этих действий: «На Гвардейской площади послышались выстрелы. Передали, что убили трех моряков, не подчинившихся приказанию. С трудом пробиваюсь через Эспанад Рунеберга на Северную Эспанадную улицу. Она тоже полна войсками и народом. Около памятника раздается выстрел, за ним другой, третий и т. п., присоединяется пулемет, пошла жатва, как оказалось впоследствии, по воздуху, за исключением двух убитых и одного раненого, народ, среди них и я, давай Бог ноги, кто куда. Было жутко, думая, что тебя прихлопнет, как собаку, шальная пуля». И все же, несмотря на «мрачные кровавые картины», «финляндский очевидец» благословляет перемены, принесенные революцией: «Да будет крепка и благотворна доставшаяся так скоро, как наикрасивейшая сказка, свобода многострадального русского народа»⁷.

Примечательно, что именно пространство возле памятника Рунеберга, а не Сенатская площадь, весной 1917 года «освоенная» российскими военными служащими, стало местом проведения манифестаций финнов. В частности, во время их совместной демонстрации с приехавшей в Гельсингфорс в начале апреля делегацией французских социалистов⁸. Помимо Сенатской площади, «сакральной» точкой на плане Гельсингфорса оказалась и Вокзальная. Вокзал — ворота и лицо города — связывал военных и жителей бывшей великокняжеской столицы с «внешним миром», прежде всего с Петроградом, центром революции.

Исследование отношений российских военнослужащих с пространством города и объектами городской среды дает представление о том, как в политическом общественном сознании шло утверждение «революционных» символов взамен прежних, связанных с памятью о рухнувшей империи. Политический переворот воспринимался как ритуально-праздничное действие, в которое включалось городское пространство финляндской столицы. Трансформация старого в новое коснулась и самого консервативного из ритуалов — похорон жертв революции 17 марта. Новой городской святыней стала могила павших героев. Захоронение вне традиционных городских кладбищ было уникальным для Гельсингфорса, но вписывалось в контекст новой общероссийской политической культуры, которая только начинала формироваться.

Заключение

Долгое время в отечественной исторической литературе наблюдался заметный крен в сторону выпячивания «пролетарской солидарности» российских военных и трудящихся Финляндии. Но не следует допускать и иной крайности, говоря о полной изолированности финляндцев от военнослужащих в силу языкового барьера или различия интересов. Тогда трудно объяснимым становится факт участия 17 марта 120 тысяч финляндцев в похоронах убитых во время революции матросов. Необъяснимой становится и общая эйфория, охватившая и русских, и финнов весной 1917 года. Превращению сферы «чужого» в «свое» пространство способствовало использование общих музыкальных символов, обмен красными лентами, бантами.

Разумеется, переворот способствовал развитию конфликтов, в том числе конфликтов этнических. Однако взаимное недоверие и настороженность, противоречия между жителями Финляндии и военнослужащими не могли свести на нет все контакты горожан с российскими

военными. В пользу этого утверждения свидетельствуют факты восприятия нижними чинами городских традиций протеста, совместное с горожанами освоение коммуникативного пространства финляндской столицы в дни революции, во время массовых ритуальных шествий и проведения новых праздников. В ходе совместных политических акций русских и финнов речи ораторов переводились специальными переводчиками, двуязычие такого рода оказывало особое воздействие на ситуацию.

Исследование отношений российских военных с пространствами Гельсингфорса и объектами городской среды дает представление о том, как в их политической культуре шло утверждение «революционных» символов взамен прежних представлений, связанных с памятью о рухнувшей империи.

Список сокращений

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота

КА — Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии)

SKS Arkisto — Архив фольклора Финского Литературного общества. «1918» kokoelma (коллекция «1918 год»)

Примечания

¹ SKS Arkisto (Архив фольклора Финского Литературного общества). «1918» kokoelma. Side 41. S.92.

² Карикатура «Веселье на Гельсингфорских Карпатах» // Моряк. 1917. № 4. С. 95.

³ Гри-Кри. Две встречи // Моряк. 1918. № 6. 2 марта. С. 127.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 120. Л. 36.

⁵ SKS Arkisto. «1918» kokoelma. Side 41. S. 105.

⁶ КА. Коллекция «Русские военные бумаги». Д. 11970 — Письма в редакцию «Известий Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих». Дела коллекции нередко состоят из разрозненных документов и не имеют общей нумерации листов, как и в случае с письмами в редакцию гельсингфорских «Известий».

⁷ Там же.

⁸ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 11 апреля.

Список источников

1. Чернявская Е. Н. «Чужое», «свое» и «общее» в архитектурном облике исторических городов // *Фундаментальные проблемы культурологи: Т. VI: Культурное наследие: от прошлого к будущему / отв. ред. Д. Л. Спивак. М.; СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. С. 119–126.*
2. Предисловие // *Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков (Материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург 14–17 июня 2004 года). СПб.; Изд-во «Европейский Дом», 2009. С. 7–12.*
3. Хяккинен И., Цеттерберг С. Финляндия вчера и сегодня / пер. с финск. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1997. 168 с.
4. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. *История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 208–220.*
5. Юнтунен А. Свеаборг: страж Хельсинки и форпост Петербурга. 1808–1918 годы / пер. с финск. М.: «Весь Мир», 2018. 320 с.
6. Клинге М. На чужбине и дома / пер. с финск. СПб.: Изд. Дом «Коло», 2005. 302 с.
7. Luntinen P. *The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.*
8. Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. 434 с.
9. Pogreboff S. *Helsingin venäläisten kauppiaitten kultuuriperintö // Venäläiset kauppiat Helsingin historiassa. Keuru: Otavan Kirjapaino Oy, 2002. S. 67–96.*
10. Черняев В. Ю. (Дискуссия) // *Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков (Материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург 14–17 июня 2004 года). СПб.; Изд-во «Европейский Дом», 2009. С. 276–277.*

11. Клинге М. Имперская Финляндия / пер. с финск. СПб.: Изд. Дом «Коло», 2005. 616 с.
12. Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие в Финляндии: общественные настроения и трансформация христианских ценностей в годы Первой мировой войны // Религиоведение. 2024. № 1. С. 26–37.
13. Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии... Публицистика (1919–1921). СПб.: Журнал Нева, 2001. 431 с.
14. Бажанов Д. А. Служебные будни балтийских дредноутов (1914–1917 гг.). Изд. 2-е. СПб.: Астерион, 2022. 384 с.
15. Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 128 с.
16. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 348 с.
17. Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: Глагол, 1994. С. 356–365.
18. Звонарев Г. Л. Наши пехотные части в дни революции в Гельсингфорсе: из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского. Гельсингфорс, 1917.
19. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
20. Колоницкий Б. И. Политические топографии Петрограда и революция 1917 г. (Невский проспект) // Исторические записки. М., 2003. Т. 6 (124). С. 327–341.

References

1. Chernjavskaja E. N. “Chuzhoe”, “svoe” i “obshhee” v arhitekturnom oblike istoricheskikh gorodov [“Alien”, “own” and “common” in the architectural appearance of historical cities]. *Fundamental'nye problemy kul'turologi: T. VI: Kul'turnoe nasledie: ot proshlogo k budushhemu* [Fundamental problems of cultural studies: Vol. VI: Cultural heritage: from the past to the future]. Moscow, Saint Petersburg, Novyj hronograf, Jejdos, 2009, pp. 119–126. (In Russ.).
2. Predislovie [Preface]. *Kul'tury gorodov Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vekov (Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma, Sankt-Peterburg 14–17 iyunja 2004 goda)* [Cultures of cities of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries (Materials of the international colloquium, St. Petersburg June 14–17, 2004)]. Saint Petersburg, Publishing House “Evropejskij Dom”, 2009, pp. 7–12. (In Russ.).
3. Hjakkinen I., Cetterberg S. *Finljandija vchera i segodnja* [Finland yesterday and today]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1997, 168 p. (In Russ.).
4. Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city]. *Lotman Yu. M. Istorija i tipologija russkoj kul'tury* [History and typology of Russian culture]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2002, pp. 208–220. (In Russ.).
5. Juntunen A. *Sveaborg: strazh Hel'sinki i forpost Peterburga. 1808–1918 gody* [Sveaborg: guard of Helsinki and outpost of Petersburg. 1908–1918]. Moscow, “Ves' Mir”, 2018, 320 p. (In Russ.).
6. Klinge M. *Na chuzhbine i doma* [In a foreign land and at home]. Saint Petersburg, Publishing House “Kolo”, 2005, 302 p. (In Russ.).
7. Luntinen P. *The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918*. Helsinki, SHS, 1997, 486 p.
8. Musaeu V. I. *Rossija i Finljandija: migracionnye kontakty i polozhenie diaspor (konec XIX v. — 1930-e gg.)* [Russia and Finland: migration contacts and the situation of diasporas (late XIX century — 1930s)]. Saint Petersburg, Polytechnic University Publ., 2007, 434 p. (In Russ.).
9. Pogreboff S. Helsingin venäläisten kauppiaitten kulttuuriperintö [Cultural traditions of the Russian merchantry in Helsinki]. *Venäläiset kauppiat Helsingin historiassa* [The Russian merchants in History of Helsinki]. Keuru, Otavan Kirjapaino Oy, 2002, pp. 67–96. (In Finn.).

10. Chernjaev V. Ju. Diskussija [Discussion]. *Kul'tury gorodov Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vekov (Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma, Sankt-Peterburg 14–17 ijunja 2004 goda)* [Cultures of cities of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries (Proceedings of the international colloquium, St. Petersburg June 14–17, 2004)]. Saint Petersburg, Publishing House “Evropejskij Dom”, 2009, pp. 276–277. (In Russ.).
11. Klinge M. *Imperskaja Finljandija* [Imperial Finland]. Saint Petersburg, Publishing House “Kolo”, 2005, 616 p. (In Russ.).
12. Dubrovskaja E. Yu. Rossijskie voennosluzhashhie v Finljandii: obshhestvennye nastroyeniya i transformacija hristianskih cennostej v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian servicemen in Finland: public sentiment and the transformation of Christian values during the First World War]. *Religiovedenie* [Religious studies], 2024, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.).
13. Kuprin A. I. *My, russkie bezhency v Finljandii... Publicistika (1919–1921)* [We, Russian refugees in Finland... Journalism (1919–1921)]. Saint Petersburg, Zhurnal Neva, 2001, 431 p. (In Russ.).
14. Bazhanov D. A. *Sluzhebnye budni baltijskikh drednoutov (1914–1917 gg.)* [Official everyday life of the Baltic dreadnoughts (1914–1917)]. Saint Petersburg, Asterion, 2022, 384 p. (In Russ.).
15. Dubrovskaja E. Yu. *Rossijskie voennosluzhashhie i naselenie Finljandii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian servicemen and the population of Finland during the First World War]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, 128 p. (In Russ.).
16. Kolonickij B. I. *Simvolj vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskoy kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda* [Symbols of power and struggle for power: on the study of political culture of Russian revolution 1917]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2001, 349 p. (In Russ.).
17. Kornakov P. K. *Simvolika i ritualy revoljucii 1917 g.* [Symbols and rituals of the 1917 revolution]. *Anatomija revoljucii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'* [Anatomy of Revolution. 1917 in Russia: masses, parties, power]. Saint Petersburg, Glagol Publ., 1994, pp. 356–365. (In Russ.).
18. Zvonarev G. L. *Nashi pehotnye chasti v Gel'singforsе (Iz lichnyh vospominanij unte-oficera Sveaborgskogo pehotnogo polka)* [Our infantry units in Helsingfors (From private recollections of the officer of the Sveaborg Infantry Regiment)]. Helsingfors, printing-house of “The Helsingfors Soviet Proceedings”, 1917, 31 p. (In Russ.).
19. Buldakov V. P. *Krasnaja smuta: priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija* [Red Turmoil: Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 1997, 376 p. (In Russ.).
20. Kolonickij B. I. *Politicheskie topografii Petrograda i revoljucija 1917 g. (Nevskij prospekt)* [Political topographies of Petrograd and the revolution of 1917 (Nevsky Prospect)]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, 2003, vol. 6 (124), pp. 327–341. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Дубровская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. Yu. Dubrovskaya — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 30.03.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 30.03.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.